

— Цзянь-лан, что ты такое говоришь? Как Жэнь-эр может стать наложницей Третьего принца? Он же наш сын, ему в будущем наследовать поместье Цзиньаньского хоу... — Шуй Чжуся выглядела совершенно неверующей, из её глаз хлынули прозрачные слезы, размывая изысканный макияж. Обеими руками она вцепилась в рукав Цзянь Чуцина, волосы ее растрепались, вид был безумный, и от прежней прелести и очарования не осталось и следа.

В этот момент Цзянь Чуцин, разозленный настолько, что его едва не тошнило кровью, больше всего на свете желал придушить эту женщину и рожденного ею сына. С чего он только ослеп тогда, притащив домой этих двух ничтожных тварей? Мало того, что он теперь стал посмешищем для придворных чиновников за спиной, так еще и лицо поместья Цзиньаньского хоу было полностью потеряно.

Император Чэньюань хоть и назначил ему всего лишь трехмесячное домашнее заточение в стенах поместья для обдумывания своих грехов, но каждое слово этого наказания било по нему: соверши он хоть еще один малейший просчет, и титул хоу у него отнимут.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился. Размахнувшись, он отвесил Шуй Чжуся мощную пощечину, сбив ее с ног. Ее лицо покраснело и опухло, а из уголка рта сочилась яркая кровь.

— С тем его ничтожным видом, когда он лежал голышом, раскинув ноги на всеобщее обозрение, он еще смеет мечтать о наследовании поместья Цзиньаньского хоу! Просто чудовищная шутка! Ты, с сегодняшнего дня — под домашним арестом в Западном дворе, ни шагу за порог! Эй, заберите эту женщину обратно в Западный двор и глаз с нее не спускайте!

Несколько стражников вбежали внутрь и выволокли прочь бившуюся в истерике и вопящую госпожу Шуй.

Из-за плакучей ивы перед прудом в Восточном дворе показалась изящная фигурка. Слушая раздирающие душу крики уволаскиваемой женщины, Чунхэ изогнула пухлые губки в самодовольной легкой улыбке, коснулась рукой висков, плавно покачнула тонкой, гибкой талией и семенящими шажками удалилась.

В доме Цзянь Чуцин от гнева смахнул на пол весь чайный сервиз со стола.

Осколки фарфора разлетелись повсюду, напугав вошедшего человека так, что тот издал испуганный возглас и чуть не выронил фарфоровый горшочек с тушеным супом, который держал в руках.

— Кто звал тебя заходить?! — лицо Цзянь Чуцина исказилось от ярости, глаза налились кровью, он походил на разъяренного зверя.

Чунхэ испугалась до полусмерти. Побледнев, она замерла на пороге, ее миндалевидные глаза наполнились слезами, и она робко произнесла:

— Рабыня лишь видела, что господин хоу с самого возвращения в поместье заперся в комнате и возвращал на кухню еду целой и невредимой, не притронувшись ни к одному приему пищи. Боясь, что здоровье господина пострадает, я и посмела приготовить суп...

С этими словами крупные слезы покатались по ее щекам, и она, не обращая ни малейшего внимания на усыпанный осколками пол, опустилась на колени, высоко поднимая горшочек с супом.

— Господин хоу, даже если вы так сильно гневаетесь, пожалуйста, поберегите свое тело. Рабыня умоляет вас съесть хоть немного...

Цзянь Чуцин смотрел на служанку, которая стояла перед ним на коленях, дрожа от страха перед его гневом. Она преклонила колени прямо на осколках, и ее колени уже окрасились кровью, но его взгляд скользнул ниже, остановившись на ее открытой из-за опущенной головы белоснежной и нежной шейке.

Эта служанка была самой низкопоставленной разнорабочей в поместье Цзинъаньского хоу. На ней была розовая кофта с запахом, и теперь из-за позы на коленях с высоко поднятыми руками ее пересекающиеся воротники слегка распахнулись, обнажая розовый нательный лифчик с вышитой гроздью орхидей, что еще сильнее подчеркивало белизну и нежность ее кожи.

Налитые кровью глаза Цзянь Чуцина слегка сверкнули. Внезапно он протянул руку и дернул ее — горшочек полетел на пол и разлетелся вдребезги, заливая супом из мяса всю залу, и густой аромат поплыл по комнате.

Чуньхэ издала тихий всхлип, как вдруг ее хрупкое гибкое тело было ввергнуто на мягкую постель. Одежда затрещала, разорвавшись с резким звуком, мужское тело придавило ее сверху. Когда ощутилась боль, похожая на разрыв, уголки губ Чуньхэ чуть приподнялись, являя улыбку человека, чей коварный план удался.

Вскоре тяжелое прерывистое дыхание мужчины и нежные, сладкие стоны женщины слились воедино, не утихая ни на мгновение.

Вся эта страсть и огонь желаний, бушующие в комнатах Восточного двора, отразились в паре узких фениксовых глаз. Посмотрев на это еще немного, Тун Даоцзюнь решил, что его глаза скоро ослепнут. Закрыв интерфейс, он скривил губы и пробормотал:

— Животные.

Затем сильная рука протянулась сзади, обнимая его за тонкую талию, и его спина прижалась к теплему и крепкому торсу. Тот человек вдохнул согревающее испарение его тела, приоткрыл губы и прихватил зубами его нежный белый мочки ушей.

— Ты про кого?

Уши были одной из чувствительных зон Тун Даоцзюня, и от столь страстного посасывания и покусывания они быстро покрылись легким румянцем. Негусное сладкое оцепенение разлилось по всему телу, сбивая дыхание. Он слегка прищурился, позволяя партнеру вести себя все более и более развязно.

— Это же кабинет...

Губы были запечатаны поцелуем, и Тун Даоцзюнь почувствовал, как его тело взмывает в воздух, а затем Шао Лиюй прижал его к письменному столу. Он задел тушечницу, и черная тушь пролилась, растекаясь по бумаге и распускаясь черными пятнами сливы.

Шао Лиюй смотрел на прижатого к столу человека, чья светло-коричневая чиновничья одежда была запятнана кляксами туши и который метал в него взгляды своими фениксинскими глазами, и слегка облизнул тонкие губы.

— Мм, это кабинет. Место, предназначенное для учебы, — Шао Лиюй склонил голову, соприкасаясь с ним лбами, и прошептал: — Учитель, у ученика возникли трудности с темой для эссе, я хочу обратиться к вам за наставлением...

Длинные пальцы подцепили пояс, обвязанный вокруг тонкой талии, и проскользнули под растрепавшиеся одежды, лениво оглаживая кожу.

— За каким наставлением? — покрытая жестковатыми мозолями сильная ладонь ласкала его тело, заставляя Тун Даоцзюня терять волю от истомы.

— Удовольствиями... в... опочивальне, — по слогам произнес Шао Лиюй три слова.

Тун Даоцзюнь яростно зыркнул на него и бросил:

— Ты тоже животное!

Шао Лиюй тихо засмеялся, прикусил его губы и прошептал:

— Пусть и животное, но я — животное самого благородного происхождения.

После истории с Шао Сицзюном и Цзянь Цзяньжэнем все чиновники узнали, как сильно Император презирает Цзиньаньского хоу, и изначально полагали, что поместье Цзиньаньского хоу теперь падет.

Однако прошло совсем немного времени, как при дворе стали наперебой хвалить глубокие познания Цзянь Хуншу, его превосходное умение играть в шахматы и заслуги в обучении Старшего принца. Тут-то все и поняли: вовсе не собирался Император отречься от поместья Цзиньаньского хоу, он намеренно возвышал наследника хоу. А значит, будущую должность Цзянь Цзяньжэня можно считать прочно сидящей в его руках, и даже ходили слухи среди чиновников, что если Цзянь Чуцин совершит еще хоть малейшую оплошность, Император может напрямую лишить его титула хоу и пожаловать его Цзянь Хуншу.

Из дворца Чунли, где проживал Старший принц, доносились легкие, мелодичные звуки циня, сквозь которые отчетливо пробивался радостный детский смех.

Отряд людей двигался по тропинке, обсаженной плакучими ивами, и приблизился к дворцу. Евнух, шедший во главе процессии, уже собирался зычно объявить о прибытии, как шедшая впереди роскошная женщина величественного вида остановила его легким взмахом руки, показывая, чтобы все ждали снаружи. Медленно подняв руку, опираясь на поддержку главной служанки, она шагнула внутрь.

Мелодия циня не прерывалась. В беседке во дворе сидели трое: один сосредоточенно играл на инструменте, другой с увлечением слушал, держа на коленях дитя, похожее на вырезанную из фарфора куклу. Малыш широко улыбался, его яркие глаза сияли ослепительным блеском, а звонкий смех гармонично сливался с музыкой, отнюдь не кажутся неуместным. Картина была прекрасна, словно сошедшая с холста живописи.

Императрица стояла под искусственной горкой, созерцая эту идиллию, и ее всегда строгие, благородные глаза невольно заслезились.

Мелодия завершилась веселым аккордом, и раздался голос Шао Лиюя:

— Ты уверен, что эта мелодия — колыбельная? Почему от нее Юй-эр только сильнее возбуждается?

Словно вторя старшему брату, Четырнадцатый принц снова залился радостным смехом.

Тун Даоцзюнь сиял улыбкой, но в то же время чувствовал некоторую неловкость. Едва он собрался что-то сказать, как, подняв глаза, заметил фигуру у поддельной горки за беседкой.

Выражение его лица не изменилось; он встал и опустился на колени, отвечивая поклон.

— Ваш покорный слуга приветствует Императрицу.

Шао Лиюй обернулся, увидел идущую неспешным шагом Императрицу под руку со старшей служанкой и, прижимая к себе Шао Цзиньюя, поспешил навстречу:

— Матушка, вы пришли, почему не велели заранее объявить о визите? Прошу в беседку, отдохните. — С этими словами он одной рукой придерживал мягкий сверток, а другой вел Императрицу в беседку.

— Я услышала снаружи чью-то игру на цине, звуки такие легкие и приятные, не захотелось прерывать. Так вот он кто, тот самый Четырёхкратный победитель экзаменов, чьи таланты неустанно восхваляет Его Величество, наследник Цзинъаньского хоу. Увидев вас сегодня воочию, вижу — поистине необыкновенен. Мой мальчик нашел в вашем лице верного спутника, и теперь я спокойна.

Слова Императрицы заставили сердце Тун Даоцзюня слегка ёкнуть.

Если Цзянь Хуншу предстоит унаследовать поместье Цзинъаньского хоу, то с членами императорской семьи он может поддерживать лишь чисто служебные отношения. И хотя сейчас у него с Шао Лиюем самые близкие отношения, по его же требованию Шао Лиюй пообещал никому об этом не рассказывать.

Потому слова Императрицы, должно быть, означают исключительно лишь то, что они с Шао Лиюем — государь и подданный?

— Императрица излишне милостива, это лишь минутный порыв вашего слуги.

— Минутный порыв — и такая дивная мелодия, истинно выдающийся талант. Читающий лекции Цзянь, не стойте на коленях, встаньте.

— Благодарю Императрицу. — Тун Даоцзюнь чинно поклонился в землю Императрице, поднялся и отошел в сторону, опустив взгляд и как бы невзначай бросив его на лицо Императрицы. Помимо того, что та все еще смотрела на него, его внимание привлек ее странный цвет лица, отчего сердце вновь дрогнуло.

Макияж Императрицы был безупречен: стороннему наблюдателю ее кожа казалась белой как снег, губы — алыми цветами, а прекрасные глаза сияли. Однако в глазах Тун Даоцзюня смутно проступал черный налет смертельной ци.

По сравнению с тем, какой он видел ее несколько месяцев назад, удача и жизненная ци покидали ее, и она вряд ли протянет и два месяца.

[V587.]

[Хозяин, я здесь, я здесь!] — тут же отозвался V587.

Потоки данных его системы словно подхватили какой-то страшный вирус, то и дело сваливаясь в режим принудительного ожидания, из-за чего ему приходилось целыми днями проводить

полную диагностику, но выявить этот странный сбой он никак не мог.

[Могу ли я использовать очки измерения, чтобы продлить жизнь Императрицы?]

Хотя характер Императрицы был строгим и чопорным, и временами она казалась лишенной чувства юмора, при внимательном наблюдении можно было заметить, что ее взгляды на Шао Лиюя и Шао Цзиньюя переполнены материнской любовью. Эта самая благородная женщина Великой Юй напомнила ему кое-кого...

Его собственная мать — холодная, надменная женщина, которая с детства была с ним сурова и холодна, но, узнав о его смерти, бросила дела на половине и прилетела из-за границы. Она рыдала навзрыд в больничном морге, прижимая к себе его окровавленное, изуродованное тело. Лишь тогда он понял, что мать любила его.

Шао Лиюй глубоко почитал и любил Императрицу, и Тун Даоцзюнь не хотел, чтобы его возлюбленный страдал от потери матери.

Более того, Сын Небесной Удачи пока еще всего лишь младенец, требующий материнского молока. Если Императрица умрет, Шао Лиюй и Шао Цзиньюй лишатся покровительства, и императорская печать гарема вполне может достаться главной наложнице, а тогда у посаженного под домашний арест Шао Сицзюна появится шанс на возрождение.

Следовательно, Императрица сейчас умирать не должна.

[Хозяин, вы не принадлежите этому миру, поэтому и смогли вырваться из-под контроля Судьбы. Но Императрица не такова — ее судьба давным-давно предначертана. То, что она смогла успешно произвести на свет Сына Судьбы, уже чудо. Хотя у очков измерения много применений, обменять их на человеческую жизнь невозможно], — сообщил V587.

[Неужели совсем нет другого способа?] — руки Тун Даоцзюня, спрятанные в рукавах, крепко сжались в кулаки.

V587 погрузился в молчание. Прошло довольно много времени, прежде чем он вдруг истошно завопил:

— А-а-а-а-а!!!

[Есть способ?!] — услышав полный восторга и возбуждения вопль системы, Тун Даоцзюнь, знавший ее нрав лучше всех, встрепенулся.

[Я только что проверил: очки измерения не могут быть обменены на человеческую жизнь, но если перевести очки в значение удачи и внедрить эту удачу в тело умирающего человека, чья жизненная ци рассеивается, сжигание этой удачи может продлить ему жизнь.]

[У меня осталось всего пять очков измерения, надолго ли этого хватит?]

Подумав немного, V587 ответил: [Удача, полученная в обмен на пять очков измерения, способна гореть три года.]

[Меняй.] Тун Даоцзюнь ни секунды не сомневался. [Как ввести удачу в тело Императрицы?]

[Удача — это всего лишь бесцветная, безвкусная и бесформенная субстанция, способная сливаться с чем угодно. Чтобы внедрить ее в человеческое тело, ее можно подмешать в пищу и дать съесть.]

[Я понял.] Тун Даоцзюнь медленно поднял глаза на Императрицу.

В древности статус и происхождение стояли выше всего остального, и низкопоставленный чиновник пятого ранг вроде Тун Даоцзюня не смел смотреть прямо в лицо членам императорской семьи, тем более существовало разделение на мужчин и женщин, к тому же перед ним была Императрица.

Императрица почувствовала его взгляд и холодно посмотрела на него в ответ, встречаясь с его узкими фениксиными глазами.

— Почему читающий лекции Цзянь смотрит на меня столь пристально?

Старшая служанка, прислуживавшая за спиной Императрицы, изменилась в лице и уже собиралась сделать выговор, как Императрица легким жестом остановила ее.

Взгляд Тун Даоцзюня упал на эту служанку, а глаза Шао Лиюя слегка сверкнули.

— Лань Сюэ, сходи на императорскую кухню, принеси какую-нибудь выпечку, — произнес он.

Старшая служанка Лань Сюэ поклонилась, принимая приказ, и вышла из беседки.

— Цзянь-цин, говори прямо, если что-то случилось.

Тун Даоцзюнь аккуратно приподнял полы одежды и опустился на колени:

— Прошу Императрицу простить грех моего дерзновенного взгляда на священный лик. Просто ваш слуга прочел немало книг и однажды встретил в медицинском трактате описание одного случая: приступы потливости от дуновения ветра, сгущение жара в полдень, давящая боль в груди, сбивчивое дыхание, головокружения к вечеру и бессонница с кошмарами по ночам... Все эти симптомы лекари диагностировали как дефицит ци и анемию.

С каждым словом Тун Даоцзюня лицо Императрицы становилось все серьезнее, а выражение лица Шао Лиюя изменилось:

— Хуншу, неужели ты что-то разглядел?

— Да, согласно записям в том медицинском трактате, это вовсе не дефицит ци и анемия.

— А что же?

Тун Даоцзюнь слегка поджал губы:

— В книге не было указано название болезни, приводился лишь один рецепт.

Слова Тун Даоцзюня, судя по всему, пробудили интерес Императрицы:

— Диагноз не назван, но дан рецепт — поистине любопытно. В императорской аптеке множество лекарств, мне даже интересно, какое же зелье предложит мне читающий лекции Цзянь.

— Искать лекарства в аптеке не потребуется, вашему слуге нужно лишь одолжить у Старшего принца малую кухню.

— Малую кухню? — Императрица чуть приподняла тщательно выведенные брови, и любопытство в ее глазах усилилось.

Шао Лиуй тоже проявил любопытство:

— Тогда ступай, мне тоже хочется посмотреть, что же сотворит Цзянь-цин.

С тех пор как его возлюбленный стал его лектором, они проводили вместе каждый день, и он понятия не имел, что этот падкий до вкусной еды человек умеет еще и стряпать.

Тун Даоцзюнь поклонился им обоим и удалился.

Вскоре Ланьсян вернулась с несколькими служанками, которые несли плоские подносы под легкой вуалью. Войдя в беседку, они одна за другой расставили изысканные сладости и сменили чашки на чай, который уже успел слегка остыть.

Императрица взяла чашку, сделала легкий глоток, но к сладостям на столе прикасаться не стала — очевидно, она ждала, что же приготовит Тун Даоцзюнь. Ее взгляд упал на сидевшего напротив Шао Лиюя, и в глазах мелькнула мягкая улыбка.

— Читающий лекции Цзянь — хороший молодой человек, у моего сына отличный вкус.

— Если матушка довольна, сын может быть спокоен. — Темные глаза Шао Лиюя чуть блеснули, он взял кусок соснового печенья и отломил маленький кусочек, чтобы накормить младшего брата.

— Ты с детства был умным и самостоятельным ребенком, я всегда была спокойна за тебя. Делай то, что считаешь нужным, матушка всегда тебя поддержит. — Императрица произнесла эти слова очень тихо, и в ее глазах на мгновение мелькнула печаль, но тут же исчезла.

— Сын понимает.

— Дай-ка мне Юй-эря подержать, а ты сходи на кухню взглянуть. — Увидев, как старший сын опустил ресницы, зная, что тот беспокоится о ней, Императрица мягко улыбнулась и забрала у него пухленького мягкого малыша.

— Спасибо, матушка, сын скоро вернется. — На лице Шао Лиюя появилась мягкая улыбка, и он быстрым шагом вышел из беседки.

Императрица проводила взглядом удаляющуюся фигуру старшего сына, приподняла заливавшегося криком малыша-младшенького и слабо улыбнулась:

— Когда Юй-эр вырастет, не смей брать пример со старшего брата.

Четырнадцатый принц замахал пухлыми ручонками, широко раскрыл круглые глаза и, глядя на матушку, издал звонкое «ва-у».

Тун Даоцзюнь хорошо знал Дворец Чунли и быстро отыскал малую кухню. Находившиеся там повара и слуги решили, что он пришел за лакомствами, и тут же засуетились, предлагая свои услуги.

— Я хочу кое-что приготовить сам, занимайтесь своими делами, — велел Тун Даоцзюнь.

— Если господину Цзяню чего-то хочется, стоит лишь сказать, как смеем мы утруждать вас готовкой, — почтительно произнес повар.

С тех пор как этот господин стал лектором Старшего принца, великий князь часто оставлял его во дворце Чунли на трапезу. О том, насколько высоко Старший принц ценит его, в этом дворце знали все.

— Я сам приготовлю, помогите мне подготовить продукты... — Тун Даоцзюнь перечислил все необходимое, и повара с челядью живо взялись за работу.

В прошлой жизни Тун Даоцзюнь с детства рос в роскоши, не зная черной работы и даже не заглядывая на кухню. Попад в этот мир, его новым телом оказался подмастерье повара, обучавшийся у знаменитого мастера и перенявший первоклассное кулинарное искусство. Так что приготовить изысканное блюдо для него не составляло никакого труда.

Стояла середина лета, самый разгар зноя, и он решил сделать освежающий фруктовый десерт.

В древности лед доставался с огромным трудом, но в императорских ледниках имелись запасы, предназначенные для того, чтобы члены императорской семьи могли спастись от невыносимой жары.

Тун Даоцзюнь действовал молниеносно. Когда перед глазами наблюдающих выросли горки прозрачных, словно кристаллы, шариков, зеваки не удержались от восхищенных возгласов.

Для этих «хрустальных шариков» он использовал кудзу, кукурузный крахмал и муку, заварив их в густую массу, которую затем залил в круглые формочки, начинив каждый кусочками фруктов и закопав в лед для охлаждения. Дождавшись застывания, он извлек их и выложил на дно тарелки.

Затем он очистил различные фрукты от кожуры и косточек, с помощью ножа для карвинга вырезал из них цветы роз разных оттенков и разложил сверху. После этого он раскрошил кусок льда, смешал его с молоком, приготовив молочный снег-лед, и полил все это сверху фруктовым джемом.

Когда Шао Лиюй вошел на малую кухню, он увидел, что Тун Даоцзюнь бережно ставит на плоские подносы две порции доселе невиданного им блюда.

— Что это?

— Фруктовый снег-лед, я приготовил порцию и для тебя. Пойдем быстрее, пока он не растаял, иначе будет невкусно. — Увидев его любопытство, Тун Даоцзюнь мягко улыбнулся и подхватил оба подноса.

Они шли по длинной галерее к переднему двору дворца Чунли. Шао Лиюй шагал рядом, любуясь изысканным лицом спутника, и спросил:

— Разве это лекарство? Поможет ли оно матушке поправить здоровье?

Тун Даоцзюнь посмотрел на него и нежно улыбнулся:

— Доверься мне.

Судя по данным V587, Императрица любила свежие фрукты, и для приготовленного для нее снег-льда он использовал именно те плоды, что она предпочитала больше всего, добавив в них ту порцию удачи, что была куплена за пять очков измерения. Достаточно было всего одной ложки, чтобы продлить жизнь Императрицы.

— Верю.

Черпанув ложкой молочный лед вперемешку с фруктовым джемом, Императрица отправила его в рот. Прохладный, кисло-сладкий вкус заполнил полость рта. Было ли это самовнушением или нет, но Императрица ощутила, как по всему телу разливается мягкое, целительное тепло, отчего накопившаяся за последнее время тяжесть и усталость заметно отступили.

Тун Даоцзюнь почтительно стоял в стороне, наблюдая, как после первой же ложки десерта едва заметные потоки удачи, исходящие из самой ее души, обретают четкие очертания, и лишь тогда с облегчением выдохнул.

Жизнь Императрицы пока была спасена.

— Что это такое? Я никогда подобного не видела, а эти цветы, вырезанные из фруктов, просто прекрасны. Вкус кисло-сладкий и очень приятный. Поев этого, я чувствую, что тело стало гораздо легче.

<http://bllate.org/book/22141/2306792>